

Из истории польской сатирической литературы в России (XVII—первая половина XVIII в.)

В потоке беллетристики XVII в., переведенной с польского языка,¹ сатирическая и просто шутливая проза занимает очень скромное место, во всяком случае по числу памятников. При этом из поразительно богатой и разнообразной польской народно-городской литературы² были переведены произведения («Фацеции», «Златое иго супружества», «Апофегмы» Б. Будного), построенные на интернациональных сюжетах и мотивах и лишь частично отмеченные польским колоритом. С другой стороны, в русских памятниках XVII в. обнаруживается ряд общих типологических черт с непережившейся тогда польской совизжальской литературой.³ Причины такого сходства могут быть разные. В частности, в результате тесного, а порой и запутанного для нас литературного общения русские книжники, сколько можно судить по описям библиотек и сохранившимся экземплярам,⁴ хорошо знали польскую юмористическую литературу.

Однако процесс общения был двусторонним, и любопытно, что устная молва задолго опередила сами тексты. В XVII в. в польских юмористических сборниках встречаются описания забавных происшествий с польско-русского порубежья или русских земель.⁵ Польский язык XVII в. обязан русским остроловам фразеологизмом «московский ответ» («moskiewska odpowiedź»),⁶ означавшим меткий, остроумный ответ. В сборнике «Со nowego або Dwór» (1650) один такой ответ просто транслитерирован латиницей. Будучи в Польше, некий «москвитин» на вопрос «Что гремит в небе?» ответил: «Я не ведаю, чего у мене у череве бурчит (урчит? — С. Н.), а ты захотел ведець, что на небе бурчит».⁷ Для истории выражения «московский ответ» более показательно, что именно так озаглавил поэт В. Потockий свое стихотворное переложение известной фацеции о юноше, похожем на цезаря Августа.⁸

¹ См.: Małek E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII w. Łódź, 1988.

² См.: Мочалова В. В. Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI—XVII вв. М., 1985.

³ См.: Мосzałова W. Miejsce anonimowej prozy plebejskiej w rosyjsko-polskich związkach literackich XVII w. («Сказание о роскошном житии и веселии» и «Nowy Świat») // Tradycja i współczesność: Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie. Wrocław, 1978.

⁴ См.: Николаев С. И. 1) Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 173—179; 2) Старопольская проза в России в XVII—XVIII вв. // РЛ. 1984. № 3. С. 243—244.

⁵ См.: Antologia literatury sowiżrzalskiej XVI i XVII w. / Opr. S. Grzeszczuk. Wrocław, 1966. S. 493—494, 504—505, 513—514, 533.

⁶ См.: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1970. Т. 2. С. 525.

⁷ Со nowego: Zbiór anekdot polskich z r. 1650 / Wyd. A. Brückner. Kraków, 1903. S. 44.

⁸ См.: Potocki W. Wiersze. Warszawa, 1966. S. 63; ср. S. 40.

Эти примеры позволяют считать, что в XVII в. в результате взаимоперекрещивания контактно-генетических связей и типологических сходств в литературных взаимосвязях появляются разные виды филиаций, в целом создающие сложную картину, — причем далеко не все вопросы поддаются однозначному решению.⁹ Нерешенные проблемы существуют даже в основном виде связей — в переводах. Так, «Фацеции» были переведены с польского языка с 1679 г.; между тем непосредственный источник перевода до сих пор не установлен, так как из 77 новелл русского перевода только 65 имеют соответствия в известном польском издании 1624 г.¹⁰ Для части остальных подыскиваются более или менее вероятные источники или аналогии в других польских сборниках, для некоторых же в польских источниках вообще нет аналогий.¹¹ Например, М. Чиккарини указывает отдаленную параллель к новелле «О молодой жене доброй и о старой злобней», хотя известно, что она заимствована из «Великого Зеркала»,¹² равно как и новелла «О крадущем репу у старца».¹³

О. А. Державина в издании фацеций 1962 г. отметила, что в польских фацециях нет рассказа «О пекшем яйцо на свещи».¹⁴ Вскоре она же в рецензии на сборник «Старинная польская фацеция» указала опубликованный там сходный сюжет из польской рукописи XVII в.¹⁵ «Один монах пек над свечой яйцо, и когда его застал настоятель, сказал: „Дьявол меня соблазнил и научил“. А черт ему: „Врешь! Мне такого не придумать“». Однако этот анекдот из двух фраз содержит только пуанту и вряд ли был источником хоть и небольшой, но все-таки развернутой фацеции. Кроме того, можно указать и более подходящий источник — «Смеющийся Демокрит» И.-Г. Ланге. Этот латинский сборник анекдотов был в XVII в. в царской библиотеке, а позднее встречался в библиотеках Стефана Яворского и А. А. Матвеева¹⁶ и вполне мог попасть в руки переводчика «Фацеций». Вот текст интересующей нас новеллы из «Смеющегося Демокрита» в более позднем переводе XVIII в.

«Андрей Лукард одному человеку, который ему предлагал, что он от него научился лицемерить, объявил следующую басню: был один монах, который, не терпя посту и видя, что нет ничего у него в келье, кроме яйца, взял оное, до тех пор жарил на свече, пока оно не спеклось. Что настоятель того монастыря увидел, смотря сквозь щель, и вошедши в келью того монаха, много его бранил за то, который, извиняясь пред ним, сказал: диавол меня своим наваждением довел до такого греха. Диавол же, который в келии того монаха скрытно сидел под столом, выскочив из под

⁹ См.: Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 158.

¹⁰ См.: *Faceseje polskie z roku 1624* / Wyd. A. Brückner. Kraków, 1903.

¹¹ См.: Чиккарини М. Западные источники русско-польских фацеций XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 178. См. также: Ciccariini M. *Z zagadek edytorskich literatury staropolskiej — «Faceseje polskie» z XVII wieku* // *Przegląd Humanistyczny*. 1989. N 4. S. 147—173.

¹² См.: Державина О. А. 1) Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 161—165; 2) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 291—292; *Wielkie Zwierciadło Przykładów*. Kraków, 1624. S. 283—284.

¹³ См.: Державина О. А. 1) Фацеции. С. 173; 2) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. С. 408. Правда, Б. Вальчак-Срочиньская пишет, что этой новеллы нет в изданиях «Великого Зеркала» 1621 и 1633 гг. См.: *Walczak-Sroczynska B. «Wielkie Zwierciadło Przykładów» — dzieje tekstologiczne* // *Slavia Orientalis*. 1976. N 4. S. 507.

¹⁴ См.: Державина О. А. Фацеции. С. 43. 172—173.

¹⁵ *Slavia Orientalis*. 1962. N 1. S. 126; ср.: *Dawna faceseja polska (XVI—XVIII w.)* / Опр. J. Krzyżanowski и K. Żukowska-Billip. Warszawa, 1960. S. 303.

¹⁶ См.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 264; Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. 39; Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985. С. 127. Ср.: Маслова О. М. Життя і літературна спадщина Лодовіка Гвіччярдні. Київ, 1929. С. 95.

оного, лжешь, сказал, мерзкой, не ты от меня, но я от тебя научился такому непотребству».¹⁷

Вполне естественное при изучении новеллы обилие выявленных параллелей к русским фацециям (в том числе и приведенная нами) все же в малой степени, на наш взгляд, проясняет появление сборника. Обычно считается, что неизвестный переводчик часть новелл перевел по польскому печатному сборнику, а затем дополнил перевод новеллами из других сборников.¹⁸ Признаться, представляется маловероятным следующий процесс работы: перевод избранных новелл с польского, а затем выборка и перевод отдельных рассказов из латинских, итальянских, немецких и польских сборников. Разумеется, эта ситуация не исключена, но совершенно не типична. Правда, нам неизвестно польское издание «Фацеций», которым пользовался переводчик; сохранившиеся издания отличаются друг от друга, в том числе и по составу, но и эти различия все же не столь разительны, чтобы предполагать, что неизвестное издание объяснило бы все особенности русского сборника.

Но возможен и еще один вариант: русский переводчик пользовался не печатным изданием, а польским рукописным сборником, основу которого составили избранные фацеции, дополненные другими новеллами. Эта возможность никогда не рассматривалась, вероятно, по той причине, что в XVII в. переводы с польского делались прежде всего по печатным изданиям. Однако польские рукописи все же попадали в Россию, в том числе и с юмористическими произведениями. Об одном таком случае в начале века сообщил П. Зенбицкий.¹⁹

В столбцах Приказного стола сохранилось дело 1689 г. о поимке шляхтича Климки Доморацкого, посланного к гетману И. Мазепе с «прелестным письмом» львовским епископом Иосифом Шумлянским. Тогда же он был отпущен и вторично задержан в Межигорском монастыре близ Киева в апреле 1698 г., а затем опять выдворен за рубеж. Обо всем этом боярин П. И. Хованский сообщал из Киева. У Шумлянского, в частности, были отобраны «шесть писем да цыдулка», в которой были записаны «смехотворные басни». Уже в Москве документы были переведены на русский язык. П. Зенбицкий в свою очередь отчасти пересказал, отчасти перевел эти «басни» на современный русский язык. Его публикация почему-то выпала из научного оборота, поэтому приводим текст перевода, но уже по рукописи бывшего архива Министерства юстиции.

«ПЕРЕВОД С СПИСКА ЛИСТОВ ЧЮЖЕЗЕМНЫХ, ПЕРЕВЕДЕННЫХ НА ПОЛСКОЙ ЯЗЫК С РОЗНЫХ ЯЗЫКОВ»

«Алпские горы от великого жара растаяли и мы вкусили того из них соку, толко был зело кисел, паче укусу аннивалова. ||

Ходя ономьясь около Трои,^а видели есмы дым из некоей печи розваленной, х которой как пришли есмы, нашли три каплуна взоткнуты на рожон, уже и спекшиеся. Спрашивали есмы, какие то каплуны, и один нам сказал, что „нас еще до разорения сего города хотел испечь господин бурмистр троянской сыну своему на свадьбу“.

Гуляя около Афин,^б нашел есмь бумашку, на которой напечатаны были конклюдии, и спрашивал, какая то бумашка. И мне сказали, что те конклюдии написав, Зенон поднес господину Нерону.^в И как шли

^а В ркп. на поле город.   ^б В ркп. на поле народ.   ^в В ркп. на поле кесарь римской.

¹⁷ Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений. М., 1769. С. 112—113.

¹⁸ См.: Магек Е. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII w. S. 166—167.

¹⁹ См.: Зенбицкий П. «Смехотворные басни» // Живая старина. 1910. Вып. 1—2. С. 49—53. Эту публикацию любезно указала мне Э. Малек.

далее, и так увидели шляпу господина Платона н. . осом,^Г и один некто от слепых, у[ви]дев^Д ее, прозрел.

Стали есмы в полдень на предьместии, и се хазяин дал капусты, которой вкусив, по-латине почал говорить. И спрашивал я: „Какая то капуста?“ Сказали мне, что^Е та капуста квашена в бочке диогенесевои.^Ж ||

В Персиде уже ковров не делают, толко шерсть и шолк, коколю сеют, а они сами радятся, и так персидцкие килимы косят, а ковры жнут.

В Волохах столь великие роги выросли, что из них на корабли делают помочи. Ономяся как один бык оборотился к Царюграду одним рогом, задел за башню одну, а другим задел за башню краковскую.

Во Иеросалиме у жидов перец поплеснел, который как в Кедроне^З полоскали, вода огорчала.

Идучи Черным морем, спрашивали есмы: „Для чего то Черное море?“ Сказали нам: „Для того, что часто чрез него квасцы возят“. И у меня учал доброй человек просить: „Мой братец, пришли ко мне той воды три фляши в чернилицу“. ||

Также спрашивали мы: „Для чего слово море Мертвое?“ Сказали нам: „Кто в нем утонет, тот умрет“.

Добывая города Стригона, там великий и страшный вал и стену каменную копьем пробил, что копье посреде верхняго города оперлось.

Пало там со сто тысяч пехоты татарской, а двоекраты сто тысяч гусаров немецких, поймали есмы трех пашей живых без голов.

Я на поединок вызвал самого везира, на другой стороне Дуная стоящаго, и так смело в глаза ему трубкою смотрел.

После того побоища нашли есмы несколько рейтар, а иной без головы; а то ведаете, ваша милость, что и нога турков оттуду не ушла, потому что там не бывали.

Ономняшняго дни храбрые драгуны добыли одного замка у дверей, дивное дело что их за такую храбрость повесили. ||

СПИСОК 3 ДОМОВЫХ ЛИСТОВ

Под черским городом было трясение земли, а сказывали про то мужики пьяные, которые и то еще сказывают, что с ними и земля вкруг поворачивалась.

Под Гданском один рыболов трех китов уловил удою.

Недалече от Калиша^И толь велик лист на дереве родился, что из одного листа верхнее платье драгунское на целую роту поделали.

В Варшаве некакой пророк явился, а проповедает: кого на сей войне убьют, тот умрет, а три часа словечка не молвит.

Пишут оттуду: не ведают, правда ли, что там видели комету (се есть звезду) с хвостом березовую.

Под Ярославлем толь великие орехи лесовые родились, что в одной скорлупине ореховой всякой хлеб во Гданск сплавливают. ||

Под Лешною^К овцы с кормазиною шерстью явились. Уведав про то венцыяне, приехало их в подлешно сто кораблей, а под всяким кораблем сани о дву конь.

Сказал мне недавно один проходец доброго жития свое явление, что видел он одного мужика, который одною ногою на востоке, а другою на западе солнца став, перо из гуся великого, каков Познань^Л с посадками, омакивал в Черном море и писал на телячей коже, а букву от буквы став[ил]^М на полутретьи версты, а точки ставя будто лвовья гора подо Лвовом. А на шапку вышло ему сто половинок сукна французского и четырекраты по сту тысяч соболей, на нашивку пятьсот конатов корабел-

^Г В ркп. слово частично залито чернилами. ^Д В ркп. слово частично залито чернилами. ^Е Испр., в ркп. что. ^Ж В ркп. на поле жил при Александре Македонском философ. ^З В ркп. на поле реке. ^И В ркп. на поле город. ^К В ркп. на поле предместье. ^Л В ркп. на поле город. ^М В ркп. обрыв.

ных, || на пугвицы все горы рудные. Один ус был да вавилонской, а другой до калишской^н башни присучен. Что плюнул — то новая река была, а что дохнул — то тысяча кораблей на мори^о оборачивались^п всех^р. А сабли его рукоять на конце за вселенною пятнатцать верст сто тысяч леших^с соснами и дреколями поднимали». ²⁰

Получила ли распространение эта пародийная газета, ²¹ сказать трудно, но русский аналог этому довольно популярному жанру польской юмористики ²² появился в 1730-х гг. Известен ряд списков юмористических «авизий», ²³ приуроченных к разным датам (1736, 1748, 1774 и др.), причем в одном неизданном списке новости датированы самыми фантастическими числами: 31 февраля, 54 листопад, 38 грудень и пр., в том числе и «номальная» дата 1 апреля. ²⁴ Происхождение русских «авизий» неизвестно, но характерно, что в 1770-х гг. они были включены в переведенные с польского «Похождения Соведрала». ²⁵

Кроме «смехотворных басен» 1698 г. несомненно по рукописи был сделан в начале 1710-х гг. перевод «Краткого описания, как ныне возмущены дела в Европе» — небольшого политического памфлета времен войны за испанское наследство. ²⁶ А в начале 1720-х гг. русский читатель познакомился еще с одним популярным жанром польской рукописной сатиры — памфлетом в виде реплик участников карточной игры. «Пикируюсь», партнеры дают свою оценку политической ситуации в Европе. Такие «игры» появлялись довольно часто во время Северной войны и сохранились в ряде рукописей. По счастью, оригинал публикуемого текста (в отличие от «смехотворных басен» и «Краткого описания») сохранился и отыскивается среди ряда произведений, проанализированных П. Бухвальд-Пельцовой. ²⁷ Начинается он так: «Kart granie safej Europy monarchów. Cesarz: Mój pan ojciec w dobrą grę mnie wprawił, będę grał dalej».

Обратимся к тексту русского перевода.

«ВСЕЙ ЕВРОПЫ МОНАРХОВ КАРТ ИГРАНИЕ»

1. Цесарь молвит: „Мой пан отец, что добрую о мне игру справил, буду более играти“.
2. Француз: „Я буду играти, как бы выиграти“.
3. Папа: „Пане Боже, помагай^а ис той игры, ибо моя коза меня обманула“.
4. Король гишпанской: „Имею добрые карты, буду играти, ибо мне не коштует, когда есть чужой мешок“.
5. Гетман: „Я зело боюся, чтоб и остатка не проиграть“.

^н В ркп. на поле город Калиш. ^о Испр., в ркп. мари; далее обрыв. ^п Далее в ркп. обрыв. ^р Далее в ркп. обрыв. ^с В ркп. на поле диких людей.

^а Нет Б.

²⁰ ЦГАДА, ф. 210, стб. 2039, л. 199—200.

²¹ См.: Stanekiewicz L. Staropolskie parodie prasy // Prace Literackie. Wrocław, 1964. Т. 6. С. 123—140.

²² См.: Buchwald-Pelcowa P. Satyra czasów saskich. Wrocław, 1969. S. 211; Dawna facesja polska. S. 415—418.

²³ См.: Андрианова-Перетц В. П. Юмористические куранты // Уч. зап. Лен. пед. ин-та. 1948. Т. 67. С. 48—56; Розов Н. Н. «История о кушце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 444—448. Впервые неполный текст «авизий» был опубликован В. Г. Рубаном под заглавием «Балакиревы ведомости» (см.: Трудолюбивый муравей. 1771. № 12. С. 93—94).

²⁴ См.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 3, № 9, с. 144—146.

²⁵ См.: Małek E. Narracje staropolskie w Rosji w XVII i XVIII w. S. 220, 261.

²⁶ См.: Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы. СПб., 1908. С. 35. Текст издан в кн.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII—первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 72—73.

²⁷ См.: Buchwald-Pelcowa P. Satyra czasów saskich. S. 244—246.

6. Аглинская королева: „Я буду играти, маю наилучшую карту ипамфиля“.^б
7. Галанцы: „Мы такожде имеем добрый козырь и помогаем“.
8. Дацкой король молвит: „Я пап“.
9. Швед: „Я играю и выгрываю,^в а не вем, где мои гроши деваются“.
10. Август: „Ежели короля убью, то выиграю,^г ибо туза маю“.
11. Прусской; „Я себе особливо буду играти“.
12. Князь келенской: „Я помагал, да не ведаю, как удастся“.
13. Боварский: „Я уже не хочу играть,^д все проиграл, болши не имею что ставити“.
14. Флоренский: „Потребно мне инако карты перетасовать, для того ничего не принял“.
15. Люнебургский:^е „Я всякой карте буду годовати“.
16. Савойский:^ж „Перестану я от моей игры, в дамы буду играти“.
17. Польша: „Чорт знает, что за карты? Не можем их в купу собрати“.
18. Швейцар: „Я играю за людей, а сам убытчусь“.
19. ^зВенецкой: „Я иному в той игре вспомо“.
20. Модена: „Не могу себя по той игре видети“.^и
21. Португалский: „Пускай иному хотя обратится игра, то моя выиграна будет, когда имею киналя“.^к
22. Бовария: „Хотя^л имела короля, однако ж все проиграла“.
23. Венеция: „Моя игра плюгавая и велми скаредная“.
24. Рагоцкий: „Зле моя игра идет“.
25. Лещинский: „Надеюся на короля, да туза боюсь“.
26. Москва: „Брате Августе, играй смело, и я за тебя, ибо имею панцероля“.^м
27. Турок: „Не буду я в ту игру мешатися, понеже мне исперва досталось“.
28. Плевосеятель: „Играйте, играйте, панове,^н ибо и я ис той игры имею себе добрую находку“.^{о, 28}

Названные памятники сохранились в единичных списках, что вполне понятно: до середины XVIII в. в русской сатире политический оттенок был «несравненно слабее, чем в европейской».²⁹ «Краткое описание...», «Всей Европы монархов карт играние» и другие сочинения, собственно, и знакомили с жанрами польской политической сатиры, переводы которой продолжались и во второй половине XVIII в.³⁰

Теперь есть все основания считать, что польская сатира и юмористика попадали в Россию не только в виде печатной, но и рукописной книги, при этом русские переводы могли сохранить неизвестные редакции или даже ранее неизвестные исследователям литературные произведения. Этим, однако, не исчерпываются все возможные пути литературных связей. Особые исторические условия, в которых протекали польско-русские литературные связи, позволяют поставить вопрос о роли устной традиции в литературных контактах. Конечно, выявить следы таких контактов и отделить их от письменных очень сложно, поскольку существует очень мало источников, где они могли бы быть зафиксированы.³¹ Но для начала XVIII в. один такой случай, кажется, можно указать.

^б ипамфиля Б. ^в выигрываю Б. ^г выиграю Б. ^д Доб. когда Б. ^е Люнебургский Б. ^ж Испр. по Б, в А Савонский. ^{з-и} В Б обе реплики переставлены местами. ^к Нет Б. ^л Испр. по Б, в А хотела тя. ^м панцероля Б. ^н Испр. по Б., в А пано. ^о карту Б.

²⁸ ГПБ, Q. XVII. 96, л. 32—33 об. (в разночтениях — А); БАН, Тек. пост., № 1341, л. 505—505 об. (в разночтениях — Б).

²⁹ Адрианова-Перетц В. П. Образцы общественно-политической пародии XVIII—нач. XIX в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 335.

³⁰ См.: Там же. С. 347—356.

³¹ См.: Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 43—48, 58—63; Николаев С. И. Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 162—167.

В 1718 г. Феофан Прокопович произнес известное «Слово о власти и чести царской», в котором в качестве ехемплического привел следующий анекдот: «Два человека вошли в церковь, не помолитися, но красти. Один был в честном платье, а другой в рубище и лаптях. А договор был у них не во общую корысть збирать, но кто что захватит, то его. Лапотник искуснейший был и тотчас в алтарь да на престол и, обираючи, заграбил что было там. Взяла зависть другаго. И аки бы с ревности: „Ни ли ты, — рече, — боишися бога, в лаптях на престол святыи дерзнул“. А он ему: „Не кричи, брат, бог не зрит на платье, на совесть зрит“». ³²

О. А. Державина справедливо считала это место в проповеди Феофана типичной фацией, но отметила, что «ни в русских, ни в польских фациях такого рассказа нет». ³³ Действительно, в польских печатных сборниках такой анекдот нам также не встретился, но он известен по рукописному сборнику анекдотов XVIII в. «Как-то осенью вор подговорил себе помощника и забрался они в костел; старший влез на алтарь в грязной обуви и стал сдирать с алтаря серебро. А только что принятый ученик его говорит: „Эх, перепачкал ты своими ногами такие чудные покрывала“. А старший на это отвечает: „Эх, дурень ты, дурень! Бог смотрит на чистое сердце, а не на грязные ноги“». ³⁴ Феофан Прокопович, знавший польскую устную языковую стихию вовсе не понаслышке, ³⁵ в данном случае пересказывает анекдот, вполне типичный для украинских проповедников. ³⁶

Переплетение типологических сходств и генетических связей, питавшихся печатными, рукописными и устными источниками, не только вносит разнообразие в картину литературных связей, но и значительно усложняет само исследование. Например, обнаруженное типологическое сходство между «Сказанием о роскошном житии и веселии» и памятниками польской совижальской литературы ³⁷ может иметь и более простое объяснение. Еще В. П. Адрианова-Перетц не отрицала возможности того, что «за этим „Сказанием“ стоял какой-то польский оригинал, до сих пор не установленный исследователями». ³⁸ Действительно, об этом свидетельствуют как полонизмы в тексте, так и польская часть пути «до тово веселья», который начинается в Кракове. Можно указать еще одно «родимое пятно» гипотетического польского оригинала. Путь в страну изобилия завершает фраза «А кого перевезут Дунай, тот домой не думай». ³⁹ По форме это пословичное выражение, правда, при «противусильной» рифмовке «Дунай — думай». Русские сборники пословиц такой пословицы не фиксируют. ⁴⁰ Вообще «Дунай» фигурирует только в трех русских пословицах, две из которых читаются в первом русском сборнике конца XVII в.: «Волга плыть долго, а Дунай широко»; «Дунай река велми широка»; ⁴¹

³² Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 91.

³³ Державина О. А. Фации. С. 85.

³⁴ Dawna faszja polska. S. 495. Несколько отличный вариант см. в кн.: Ze starych szpragałów śp. Karola Żery fraszki i opowiadania. Warszawa, 1893. S. 39.

³⁵ В его проповедях встречаются и польские пословицы; характерно, что применительно к Петербургу он говорил в проповеди: «Испразднися оная древняя пословица сарматская: „не разом Краков будовано“» (Феофан Прокопович. Сочинения. С. 45).

³⁶ См.: Кречетень В. І. Оповідання Антонія Радивилівського: З історії української новелістики XVII ст. Київ, 1983.

³⁷ См.: Паченко А. М. Материалы по древнерусской поэзии. IV: (Стихотворная параллель к «Сказанию о роскошном житии и веселии») // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 318—323.

³⁸ Русская демократическая сатира XVII в. / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1977. С. 186.

³⁹ Там же. С. 33. Новое, более исправное издание текста см.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 189—192.

⁴⁰ По данным картотеки фразеологического семинара при межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина (ЛГУ).

⁴¹ Симоны П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. С. 87, 96.

«Видно, уж Дунай с Волгой не сойдутся».⁴² А вот в польской паремииографии легко отыскивается аналог выражению из «Сказания», отмеченный в текстах XVI—XVII вв.: «Przebywszy Dunaj, do domu nie dumaj» (1582); «Zajechawszy za Dunaj, już do domu nie dumaj» (1618).⁴³

Польское происхождение заключительной фразы «маршрута» в «Сказании» достаточно очевидно, и это вполне понятно: в XVII в. пословицы и поговорки не заменялись в переводе их отечественными эквивалентами (чего требует современная теория перевода), а переводились пословно либо просто транслитерировались (см. ряд примеров в переводе «Фацеций»).

В «Сказании» довольно много полонизмов; примечательно, что полонизм есть даже в заглавии. «Роскошный» в настоящее время не ощущается заимствованием, между тем «роскошь» в оригинальных русских памятниках появляется только в начале XVIII в.,⁴⁴ а в XVII в. слово помещалось в азбуковниках с пометой «полское».⁴⁵ В полной мере это относится и к прилагательному «роскошный». Например, в шести разных переводах XVII в. книги Ш. Старовольского «Двор турецкого султана» слово «gozkoszu» передано как «прохладный», «утешный», «изряднейший», «изобильный», «достаточный» и, наконец, «роскошный».⁴⁶

Наблюдения над языком «Сказания» никак не приближают нас к гипотетическому польскому оригиналу, но все же подтверждают возможность его существования. Сложнее обстоит дело с другим памятником, более часто привлекавшимся при изучении польско-русских литературных контактов. Имеем в виду «Повесть о Шемякином суде». Если в «Сказании о роскошном житии и веселии» польский оригинал, хотя и необнаруженный, все-таки угадывается, то в «Повести о Шемякином суде» его не видно; однако в нескольких списках повести указано: «выписано ис полских книг», «выписано ис книги з жарт полских», «выписано из книг жартов». Эти записи и являлись отправными при рассмотрении «Шемякина суда» с точки зрения сравнительного литературоведения.

Поиски польского оригинала были безуспешны: схожей новеллы в польских сборниках обнаружить не удалось. Только Н. С. Тихонравов нашел у польского поэта Миколая Рея стихотворную фацецию «О человеке, который показывал судье камень»,⁴⁷ которая, впрочем, является параллелью лишь к концовке «Шемякина суда». Это обстоятельство, а также насыщенность повести русскими реалиями дали основание значительной части исследователей, начиная с А. Н. Пыпина,⁴⁸ отрицать польское влияние и объяснять происхождение «Шемякина суда» русскими сказками.

И все-таки, как представляется, решительное исключение польского влияния поспешно и чересчур категорично. Близость «Шемякина суда»

⁴² Р а з у м о в А. А. Мудрое слово: Русские пословицы и поговорки. М., 1958. С. 128.

⁴³ См.: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1969. Т. 1. С. 503; ср.: A d a l b e r g S. Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1894. С. 111.

⁴⁴ См.: K o c h m a n S. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w.: Słownictwo. Opole, 1975. С. 116—125.

⁴⁵ См.: K o c h m a n S. Polonica w leksykografii rosyjskiej XVII w. Warszawa; Wrocław, 1975. С. 49.

⁴⁶ См.: K o c h m a n S. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. С. 124.

⁴⁷ См.: Тихонравов Н. С. Шемякин суд // Сочинения. М., 1898. Т. 1. С. 312; R e j M. Wybór pism. Warszawa, 1979. С. 185.

⁴⁸ Пыпин А. Н. Шемякин суд // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачевым. М., 1859. Кн. 4, отд. 5. С. 1—10; Л а п и ц к и й И. П. Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 60—99; Г у д а й Н. К. История древней русской литературы. М., 1953. С. 398; Р о б и н с о н А. Н. Шемякин суд // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. Стб. 687—688.

к русской сказке существенна, но аналогичный сюжет разработан не только в русском,⁴⁹ но и в польском фольклоре.⁵⁰ Самостоятельному возникновению «Шемякина суда» противоречит не только известность этого сюжета в средневековых литературах Востока и Запада,⁵¹ но и его разработка в новеллистике европейских авторов. Назовем здесь новеллу Франко Саккетти «Мессер Рубиконте, подеста Флоренци, произносит три прекрасных и необычайных приговора в пользу Беньяи»;⁵² выявлен также ряд аналогичных сюжетов и в других новеллах.⁵³ А. М. Панченко как раз в связи с «Шемякиным судом» справедливо отмечал, что «разграничение оригинальных и заимствованных текстов порою затруднительно, порою бесполезно». ⁵⁴ Но не менее прав был и М. П. Алексеев, когда писал, что «как ни трудно бывает порою установить причину сходства между отдельными литературными произведениями разноязычных литератур, следует в каждом случае в первую очередь предполагать прямое или опосредованное воздействие одного из этих произведений на другое: случайность самозарождения почти исключена, о какой бы эпохе литературной жизни ни шла речь». ⁵⁵

В случае с «Шемякиным судом» для такого предположения основания есть, а именно запись «выписано ис полских книг». Сторонники самозарождения повести объясняют запись тем, что на каком-то этапе истории текста повесть бытовала в одном сборнике с переводными фацециями, а затем была «выписана» из этого сборника.⁵⁶ Объяснение несколько натянутое, равно как и попытка усмотреть в записи защитный характер цензурного типа.⁵⁷ Кроме того, польской литературе знаком этот сюжет.

В польском рукописном сборнике XVII в. записана история о пилигриме, который, подходя к городу, помог крестьянину вытянуть увязшую в грязи лошадь и, конечно, оторвал ей хвост. Крестьянин пожаловался бургомистру, и пилигрим, желая его задобрить, принес беременной жене бургомистра овощей. Она их съела, отравилась и выкинула. Бургомистр созвал совет, и пилигрим был приговорен к смертной казни. Когда его вели через мост к виселице, он увидел на реке монаха в лодке. Пилигрим решил прыгнуть в лодку к монаху, чтобы затем укрыться в монастыре, но прыжок был неудачен и пилигрим убил монаха. В суде пилигрим подробно объясняет свои поступки благими побуждениями, и судья выносит приговор: пилигриму ездить на лошади, пока у нее не отрастет новый хвост, жить с женой бургомистра, пока не родится ребенок, плавать под мостом на лодке, пока с моста не упадет монах и не убьет его.⁵⁸

В этой фацеции отсутствует, как видно, только концовка из стихотворной фацеции М. Рея, которая, кстати, известна в позднейшей прозаической

⁴⁹ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 313.

⁵⁰ Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław, 1963. Т. 2. S. 79—80.

⁵¹ См.: О л ь д е н б у р г С. Шемякин суд // Живая старина. 1891. № 3. С. 183—185.

⁵² См.: Франко Саккетти. Новеллы. М.; Л., 1962. С. 281—283.

⁵³ См.: Rotunda D. P. Motif Index of the Italian Novella in Prose. Bloomington, 1942. P. 42.

⁵⁴ Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 557.

⁵⁵ Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. С. 274.

⁵⁶ См.: Русская повесть XVII в. <Л.>, 1954. С. 448.

⁵⁷ См.: Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 157, примеч. 2. Аргументация авторов явно недостаточна, так как во втором приводимом ими примере — «ис кролевских книг» (приписка к стиху «О диаконове поминке и о кутии») — описка; должно быть — «из крыласких книг» (см.: Русская демократическая сатира XVII в. С. 232).

⁵⁸ Dawna fascęja polska. S. 242—243. Ю. Кшижановский писал, что в известном рукописном сборнике анекдотов и фацеций середины XVIII в. «Vorago rerum» К. Жерн есть развернутая новелла на этот сюжет (Słownik folkloru polskiego / Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965. S. 478). Однако обнаружить в рукописи эту новеллу мне не удалось; см.: ГПБ, Польск. Q.XV.29.

переработке.⁵⁹ Таким образом, теперь уже нельзя сказать, «что в польской литературе не найдены до сих пор произведения, вполне соответствующие нашей повести».⁶⁰ Надо полагать, что пометка «выписано из польских книг» все же в значительной степени верна. Каков был облик гипотетического оригинала, сказать трудно. Скорее всего это была рукописная новелла, близкая к приведенному рассказу о злоключениях пилигрима, но уже с добавленной концовкой в духе стихотворения Рея.

«Шемякин суд» относится к тем повествовательным памятникам, которые легко поддаются языковой адаптации и русификации. Здесь вполне уместна аналогия с *фацециями*, переводчик которых, как показала О. А. Державина, «в сущности не переводил, а излагал польский текст. Он заменял слова оригинала иными по смыслу словами, кое-что сокращал или добавлял».⁶¹ Динамичной была и история текста *фацеций*. О. А. Державина, анализируя расхождения текста в разных списках, пришла к выводу о существовании трех разных переводов, и только недавно выяснилось, что перевод был все-таки один.⁶² Добавим также, что для переводов XVII в. характерна и определенная русификация терминологической лексики, в том числе административной и юридической.⁶³

Разыскание в истории сюжета «Шемякина суда» в польской литературе позволяет, как представляется, считать, что из всех предшествующих суждений о происхождении повести ближе всего к истине был осторожный вывод Д. Ровинского: «За всем тем повесть эта не переведена с какого-нибудь языка дословно, но она только заимствована или переделана из польских или немецких сказаний с прибавлением чисто русских подробностей».⁶⁴

В истории польско-русских литературных связей XVII—XVIII вв. еще много непроясненных проблем, одна из них — роль польской рукописной и устной традиции. В данной статье роль этих традиций была частично освещена для русской сатирической и «смеховой» литературы, но ее полное выявление требует значительного расширения источниковедческой базы.

⁵⁹ Ibid. S. 394.

⁶⁰ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. С. 398.

⁶¹ Державина О. А. *Фацеции*. С. 48.

⁶² См.: Walczak В. O przekładach *facecji* polskich na język rosyjski // *Slavia Orientalis*. 1972. N 1. S. 47—64.

⁶³ См.: Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961. С. 42—52.

⁶⁴ Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 4. С. 175.